

Лавицкий Антон Алексеевич

кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой иностранных
языков и межкультурных коммуникаций
Витебский филиал Международного
университета «МИТСО»
г. Витебск, Беларусь

Anton Lavitski

PhD in Philology, Associate Professor
Head of the Department of Foreign Language
and Cross-Cultural Communication
Vitebsk Branch of International University “MITSO”
Vitebsk, Belarus
anton_lavitski@mail.ru

Дединкин Александр Леонидович

кандидат исторических наук, доцент
директор филиала
Витебский филиал Международного
университета «МИТСО»
г. Витебск, Беларусь

Aliaksandar Dziadzinkin

PhD in History,
Associate Professor Branch Director
Vitebsk Branch of International University “MITSO”
Vitebsk, Belarus
aleksandrdedinkin@yandex.ru

ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОГО ДЕСТРУКТИВНОГО ДИСКУРСА

THE DYNAMICS OF MODERN DESTRUCTIVE DISCOURSE

В статье на материале фактически выполненных судебных лингвистических исследований представлены и описаны основные тенденции развития современного белорусского деструктивного дискурса. Динамика обозначенного типа коммуникативной практики представлена генристическими изменениями текстовых форм (мультипликативность, визуализация и креолизация материала), их языкового наполнения (нивелирование

категории формальной грамотности) и пространственного распространения (эксплицитная публичность), социолингвистического портрета адресанта (юнивелизация, дезавторизация).

Ключевые слова: *дискурс; деструктивный дискурс; судебная лингвистическая экспертиза; конфликтогенный текст; юрислингвистика.*

The article uses the data obtained during the actual forensic linguistic studies to present and describe the main trends in the development of modern Belarusian destructive discourse. The dynamics of this type of communicative practice is represented by genristic changes in text forms (multiplicativity, visualization and creolization of the text), their linguistic content (leveling of the category of formal literacy) and spatial distribution (explicit publicity), as well as the sociolinguistic portrait of the addressee (univelization, disauthorization).

К e y w o r d s: *discourse; destructive discourse; forensic linguistic analysis; conflictogenic text; legal linguistics.*

Исследования дискурса впервые были концептуально обоснованы относительно недавно – в середине 1960-х годов, а как одно из фундаментальных направлений лингвистики актуализировались еще позже, когда на смену системно-структурному подходу в изучении языка пришла функциональная модель и антропоцентрическая парадигма.

Несмотря на имеющийся опыт изучения дискурсивной теории, а также различных институционных практик, само понятие дискурса остается одним из самых неопределенных. Дело в том, что многомерность дискурса предопределяет вариативность подходов к исследовательскому полю. Это открывает самые широкие горизонты научного осмысления данного феномена, в том числе аспектные (дискурс с позиции теории коммуникации, семиотики, когнитивистики и др.). На наш взгляд, самым емким является подход Н. Д. Арутюновой, определявшей **дискурс** как «речь, погруженную в жизнь» [1, с. 137]. В таком понимании видится определенная прозорливость ученого, так как приведенная трактовка закладывает две важнейшие характеристики дискурса:

- 1) его процессуальность (речь – деятельностьная категория);
- 2) социальную ориентированность (жизнь как среда функционирования).

При этом трансформации одной характеристики неминуемо ведут к появлению модификаций второй.

Современное общество переживает процесс системных изменений, как в глобальном, так и региональном форматах, что отражается и в реализации различных дискурсивных практик. Проявление обозначенной выше активной трансформационной динамики социальных отношений (не всегда поступательной и полностью прогнозируемой) обнаруживается в «преступных действиях языка» [2, с. 3], следовательно, и самого дискурса. Современная коммуникация, к сожалению, все чаще не чурается «возможности смещать, заменять одни смыслы на другие, устанавливать новые смыслы, способствующие изменению картины мира адресата и управлению его сознанием» [3, с. 122].

Прежде чем обратиться к детальному описанию объекта нашего исследовательского интереса, следует уточнить само понятие *деструктивного дискурса*. Обособленной подотраслью общей теории дискурса данный вид стал совсем недавно (см., например, диссертацию Н. В. Мельничук «Конструктивное и деструктивное речевое взаимодействие в аргументативном дискурсе (на материале парламентских дебатов в Бундестаге)» [4]). Связано это, прежде всего, с интенсификацией исследований в области лингвистической конфликтологии и юрислингвистики. Появилось понятие *делинквентной языковой личности*, то есть субъекта реализации противоправной вербальной активности. Все это заставило ученых по-новому посмотреть на развитие коммуникативных потоков, обратить внимание на соответствие их содержания правовым нормам, прежде всего в части посягательств на личностные права и свободы (оскорбление, угроза, клевета и др.), а также общественный порядок (экстремистские призывы). Понятие деструктивного дискурса объединяет подобного рода речевые практики. Его отличительной особенностью является то, что предмет его реализации – *конфликтотенный текст*. В отличие от других языковых структур конфликтотенный текст является средством совершения противозаконного деяния и объектом правового контроля.

Итак, деструктивный дискурс отличают наличие особых характеристик субъекта (делинквентная языковая личность) и текстового продукта (представляет собой противоправный вербальный инструментарий).

Обозначенное выше актуализирует наше обращение к категории деструктивного дискурса. Кроме того, очевидна и прикладная значимость данного исследования, так как оно существенным образом дополняет теорию лингвистической экспертологии, разрабатывающую методики и процедуры специального изучения текста на предмет наличия в его содержании признаков совершения правонарушения вербальным способом.

Таким образом, цель данного исследования – представить и описать тенденции развития современного деструктивного дискурса.

В качестве материала были использованы результаты проведенных нами специальных исследований (лингвистические заключения), выполненных по запросам органов, ведущих процессуально-следственные действия, суда (общий объем экспертных работ за 2018–2021 гг. составил 47 единиц). Методология обработки и интерпретации фактических данных включала общенаучные (систематизация, анализ), а также лингвистические методы (дискурс-анализ и лингвистическая параметризация).

Изучение дискурсивной динамики попало в фокус внимания основоположников теории дискурса Э. Бенвениста, А. Греймаса, У. Чейфала и др. Т. ван Дейк отмечал, что речевой поток есть ничто иное, как язык в его постоянном движении, который воплощается в социально-исторических, культурных особенностях коммуникантов [5, с. 112–113]. Социальный аспект дискурса реализуется в том, что он является «выражением определенного идеологического смысла» [6, с. 144], компонентом системы институцио-

нально-аксиологических установок. Схожее понимание дискурса как комплексного явления реализации коммуникативной активности обнаруживается и в работах Э. Бенвениста [7, с. 54].

Дуализм дискурса очевиден в многовекторности его характеристик, включающих субъекты, функциональные установки, логическую, структурно-грамматическую, семантическую организацию текстового материала, прагматику речедеятельности, коммуникативную ситуацию и т. д. Динамика изменений обозначенных компонентов задает общие стратегии развития дискурса. В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин полагают, что в современном коммуникативном пространстве наиболее выразительными являются экспансия демонстративности, поликодовость, «сжатие мира», размывание институциональности и др. [8, с. 17–25].

Деструктивный дискурс не является исключением в общей тенденции глубинных трансформаций коммуникативной парадигмы. Динамика изменений основных характеристик позволяет уже сейчас прогнозировать общие тенденции расширения сферы его реализации, включение большего количества субъектов, тематическую трансфузию.

Динамика современного деструктивного дискурса очень стремительна, поэтому выявленные нами тенденции сложно систематизировать по уровню процессуальной интенсификации. Вероятно, что в ближайшее время будут наблюдаться и другие изменения, в том числе радикального характера.

Интерактивность – это тенденция активного перехода деструктивного дискурса в цифровое пространство. Все реже объектом лингвоэкспертной деятельности становятся предметы реальной действительности (надписи, листовки, граффити и др.). Наши фактические данные показывают, что объем специальных исследований такого рода материала в 2018 г. составил 30 % (три из десяти экспертиз), в 2019 г. – 20 % (три из пятнадцати экспертиз), в 2020 г. 15,8 % (три из девятнадцати экспертиз). Главными площадками распространения конфликтогенных текстов становятся социальные сети и мессенджеры.

Дезавторизация является прямым следствием активного перехода деструктивной вербальной деятельности в сетевое пространство, где возможность сохранить определенную конфиденциальность коммуникативной деятельности является нормой. Наличие никнейма (псевдонима, используемого пользователем в Интернете) и даже процедуры регистрации и аутентификации пользователя как облигаторный компонент большинства сетевых форумов является достаточно формальной формой идентификационного контроля, так как позволяет использовать неverified сведения и/или удаленные IP-адреса.

Дезавторизация выполняет важную задачу – дает чувство дополнительной безопасности автору текста, возможность не задумываться о необходимости нивелировать правовые риски в речевой активности. Кроме того, такое положение дел не ограничивает адресанта в социальных ролях, так как позволяет самостоятельно их выбирать, моделировать и соответствующим образом презентовать (самопрезентовать) себя перед адресатом.

Мультипликативность. Мультипликативность или клиповость – проявление генристической характеристики дискурсивного поля деструктивной коммуникации. Противоправная вербальная деятельность чаще всего реализуется в малых жанровых формах. Она крайне редко включена в большой по объему аналитический материал. Если анализировать вербальные тексты, то это чаще всего 1–3 фразы в относительно небольших контекстах. Для поликодовых текстов это обычно 1–2 иконических (визуальных) элемента и вербальная «пояснительная надпись». Очевидно, что обозначенная тенденция является следствием изменений в когнитивных приоритетах языковой личности: вытесняется аналитическое мышление, а «информационное насыщение» реализуется по формуле $объем = количество \times скорость$. Способствует развитию мультипликативности и формат большинства популярных социальных мессенджеров: ограничения по объему вербального текста, аудио- и видеоматериалов, ориентация на иллюстративные данные и др.

Визуализация и креолизация деструктивного дискурсивного контента актуализирует использование поликодовой информации. Эта тенденция непосредственным образом связана с обозначенными выше формулой информационного насыщения, а также концепциями организации функционирования сетевых коммуникативных платформ, где креолизованный материал представляется как некая квинтэссенция, сгусток аналитически обработанной информации. Кроме того, такой текст требует усиленной работы органов чувственного восприятия, а «наибольшая часть социально значимых, богатых и существенных для общества знаковых систем ориентирована на восприятие посредством зрения и слуха» [9, с. 323]. Иными словами, визуализация и креолизация усиливает суггестивное влияние на адресата. Иллюстративный образ при этом сложнее точно воспроизвести, но его концептуализация в языковом сознании сильнее, нежели материала, представленного в текстовой форме.

Ювенилизация. Такая социолингвистическая характеристика коммуникативной деятельности, как возраст, не часто становится объектом исследовательского внимания в языкознании. Чаще всего ученые декларируют основанные на статистических данных очевидные факты об увеличении аудитории социальных сетей и мессенджеров за счет молодежи, в том числе школьного возраста, не анализируя особенности их институционально-речевой активности. Наличие молодежного языка (сленга) стало для современной лингвистической теории аксиоматичным утверждением. Однако ряд исследователей полагает, что следует говорить о более глубоких языковых изменениях, когда молодежная речь выходит за социальные границы субкультуры и становится массовым явлением. Мы наблюдаем всеобщее продвижение ювенильного стиля поведения [8, с. 19]. Деструктивный дискурс не выбивается из общей тенденции:

1. Установленные в процессе оперативно-следственных мероприятий авторы конфликтогенных текстов (прим.: по материалам проведенных нами экспертиз за 2018–2020 гг.) чаще всего являются людьми в возрасте до 45 лет (94 %), а молодежь (до 31 года) составляет 85 %.

2. Наши наблюдения показывают, что лексико-семантическое наполнение конфликтогенных текстов изобилует единицами, относящимися к молодежному словарю.

Думается, что такое положение дел имеет определенное психологическое обоснование: массовость ювильного стиля в коммуникативном поведении в значительной мере стирает социально-возрастные границы организации речевого взаимодействия. Особенно ярко это проявляется в экстремистском конфликтогенном тексте, где минимизация возрастных маркеров позволяет воспринимать автора как «своего», усиливая воздействующее влияние на адресата.

Эксплицитная публичность. Категория публичности образует с приватностью естественную оппозицию, в том числе и в дискурсе. Данное дуальное противопоставление имеет узкое и широкое понимание. В узком смысле дифференциация оппозиционных компонентов строится на формальных отношениях количества адресатов: один адресат – дискурс приватной коммуникации, два и более – публичный. *Широкое понимание* строится на анализе ситуации речевого взаимодействия: если общение включает ограниченное множество субъектов, к которым предъявляется требование не передавать полученную информацию иным лицам, – дискурс имеет характеристику приватности; если множество субъектов не ограничено – дискурс является публичным. Нарушение требований к приватности коммуникации влечет за собой переход всего дискурса в разряд публичных.

В лингвистической экспертологии принято исходить из широкого понимания публичности коммуникации с одной оговоркой: в ограниченное множество субъектов не входит адресат противоправного речевого поведения. Очевидно также, что приватный дискурс формально не может быть признан деструктивным с лингвоправовой позиции, так как функционирует в социально ограниченном пространстве, не доступном ни для юридической, ни для экспертной оценки. И только его публичность, то есть включение сторонних субъектов, делает возможным подвергнуть исследованию текстовый материал. Однако если раньше деструктивный дискурс тяготел к имплицитной публичности, то есть стремился максимально соответствовать признакам приватности, чтобы минимизировать возможность наступления правовой ответственности (например, тайное распространение запрещенной литературы в СССР), то в современных реалиях делинкветное речевое поведение, наоборот, стремится охватить все большее число адресатов и таким образом реализовать свой воздействующий потенциал. Признаком желания экстраполировать деструктивное информационное поле на максимально широкие социальные слои является организация открытых Интернет-групп и сообществ. О том, что «каждое сказанное публичным человеком слово многократно цитируется и оценивается», а «публичная речь может обернуться уголовным наказанием...» пишет М.А. Осадчий [10, с. 9].

Навязчивость деструктивного дискурса – это элемент информационно-аналитических технологий опосредованной Интернет-коммуникации. Конфликтогенные тексты становятся информационным товаром. Они продви-

гаются в сети, соответствующие сайты регулярно проводят процедуру поисковой оптимизации (англ. *Search Engine Optimization*), используется контекстная реклама. Думается, что в ближайшее время тенденция навязчивости деструктивного дискурса перерастет в характеристику технологичности, когда ее распространение станет элементом пиар-деятельности (зачатки этого процесса мы наблюдаем уже сейчас).

Нивелирование категории формальной грамотности. Понятие формальной грамотности понимается нами как соответствие текста языковым нормам и правилам (атрибутивная характеристика формальности используется здесь для дифференциации с пониманием грамотности как соответствия иллокутивных и перлокутивных характеристик текста, то есть его воздействующей силы). Полагаем, что это не только частная тенденция развития дискурса, но и отличительный признак современного коммуникативного взаимодействия. При этом наличие обценных, стилистически сниженных, жаргонных единиц принимается в рассматриваемом типе дискурса как норма, так как данный лексикон, по мнению В. И. Жельвиса, используется сегодня не столько для экспрессии, сколько для сокращения социальной дистанции и установления коммуникативного контакта [11, с. 34]. Данный подход может быть экстраполирован и в вопросы, касающиеся изучения языковых компетенций адресанта. Иными словами, факт наличия, грамматических, речевых ошибок, игнорирование правил синтаксической организации текста не всегда следует рассматривать как маркер качественной характеристики субъекта коммуникации (уровня его образованности, интеллигентности и т. д.). Возможно, такое положение дел является коммуникативной тактикой создания образа «своего», то есть продиктовано характеристиками потенциального массового адресата.

Как итог, современные гео- и социально-политические реалии таковы, что информационные потоки становятся одним из важнейших элементов организационного управления общественным сознанием. В своих крайних проявлениях организационная функция коммуникации подменяется манипулятивным (чаще всего манипулятивно-деструктивным) воздействием на языковую личность. В этой связи актуализируются вопросы правового регулирования речевой деятельности. Однако, очевидно, что юридический контроль – это только процессуальная деятельность, способная дать оценку правомерности той или иной вербальной активности здесь и сейчас. Основу для реализации превентивных правовых действий, в том числе и совершенствование законодательной базы, может дать только комплексный качественный анализ динамики функционирования деструктивного дискурса. Это область междисциплинарного познания, требующая серьезной оценки многих факторов.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные – реальные лингвоправовые экспертные исследования, показывают, что в современном деструктивном дискурсе обнаруживается ряд тенденций, которые обусловлены, как мы полагаем, тремя а с п е к т а м и:

1) технологический прогресс, вследствие чего проявилась *интерактивность* рассматриваемого нами типа дискурса, а также его *навязчивость* как результат активизации информационно-аналитических технологий;

2) динамика социально-психологического портрета субъекта деструктивного дискурса (проявилась в *ювенилизации* языковой личности) стала стимулом развития новых текстовых форм (*мультипликативность*, *визуализация* и *креолизация* материала), а также их изменений в их языковом наполнении (*нивелирование категории формальной грамотности*);

3) организационное поведение субъектов деструктивной вербальной деятельности накладывает определенный отпечаток на пространственно-стилистические особенности распространения конфликтогенных текстов: он тяготеет к *эксплицитной публичности*, а также анонимности (*дезавторизации*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 136–137.
2. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1998. – 341 с.
3. Якова, И. А. Власть дискурса медийного пространства в борьбе за номинацию / И. А. Якова // Вести. Том. гос. ун-та. Филология. – 2015. – № 3. – С. 122–134.
4. Мельничук, Н. В. Конструктивное и деструктивное речевое взаимодействие в аргументативном дискурсе (на материале парламентских дебатов в Бундестаге): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н. В. Мельничук. – Калуга, 2019. – 25 с.
5. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
6. Морозова, Е. И. Ложь как дискурсивное образование : лингвокогнитивный аспект / Е. И. Морозова. – Харьков : Экограф, 2005. – 300 с.
7. Benveniste, E. On Discourse. The Theoretical Essays : Film, Linguistics, Literature / E. Benveniste. – Manchester : Manchester Univ. Press., 1985. – 246 p.
8. Карасик, В. И. Тенденции развития современного дискурса / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Тематический вып.: Многомерность дискурса. – 2021. – № 1. – С. 14–31.
9. Яacobson, P. O. Язык в отношении к другим системам коммуникации / P. O. Яacobson. – М. : Наука, 1985. – 460 с.
10. Осадчий, М. А. Правовой самоконтроль оратора / М. А. Осадчий. – М. : ООО «Альпина Бизнес Букс», 2007. – 360 с.
11. Жельвис, В. И. Поле брани : Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В. И. Жельвис. – М. : Ладомир, 2001. – 349 с.

Поступила в редакцию 02.09.2021